

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Аникин Даниил Александрович –
кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической
и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

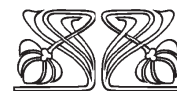
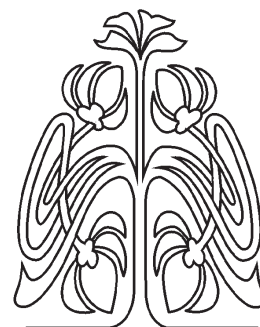
В статье ставится вопрос о смене субъектов социальной памяти в условиях кризиса национально-государственного типа памяти и активизации процессов глобализации. Рассматривается научная ретроспектива постановки вопроса о субъекте социальной памяти, анализируются существующие точки зрения и используемые аргументы. В условиях глобализации государства перестают обладать монополией на выражение представлений о прошлом, поэтому возникает потребность в поиске новых субъектов. Автор анализирует возможность цивилизаций выступать субъектами социальной памяти и указывает на риски использования коллективных представлений о прошлом в качестве обоснования современных цивилизационных конфликтов. Особое значение этот вопрос имеет в условиях российского общества, где цивилизационный подход получил распространение в качестве альтернативы вульгарному марксизму, но приобрел этнически ориентированные черты.

Ключевые слова: цивилизация, социальная память, социальное пространство, конфликты.

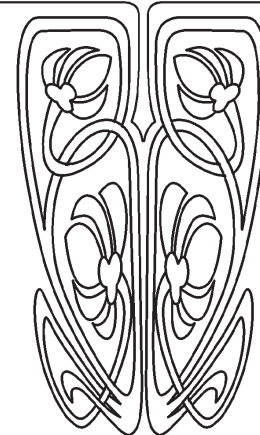
DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-5-9

Процессы трансформации социальной памяти в XX в. стали предметом исследования различных социально-гуманитарных дисциплин, при этом ряд поставленных вопросов оказался до сих пор не разрешен. В частности, дискуссионным является вопрос о субъекте социальной памяти, который имплицитно ставился еще основоположниками изучения данного феномена, но особую актуальность приобрел после выхода работ П. Нора. Этот французский исследователь указывает, что в современном мире наступает кризис «нации-памяти», т.е. того типа коллективных воспоминаний, который берет свое начало в эпоху Просвещения, когда возникает новый тип политического устройства – национальное государство. Процесс национального конструирования оказался тесно совмещен с механизмами подбора и поддержания соответствующих воспоминаний, поэтому кризис государства в результате процессов глобализации сказался и на характере социальной памяти.

Вместе с тем поиск новых субъектов социальной памяти оказывается неминуемо сопряжен с различением процессов трансформации социального пространства и попытками политической инструментализации социальной памяти. Выдвижение в качестве субъекта памяти цивилизационных образований нуждается в дополнительной методологической разработке самих оснований цивилизационного подхода и возможностей его применения к анализу современной социальной действительности.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Для начала необходимо рассмотреть предысторию вопроса о субъекте социальной памяти, обратившись к представителям функционального подхода, методологические разработки которых позволили сформулировать проблему значения коллективных воспоминаний для конфигурации социального пространства. В данном контексте наиболее интересны фигуры Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса. В работах Дюркгейма была поднята проблема наличия сакрализованных коллективных представлений, неотъемлемой частью которых являлись представления о прошлом. Хальбвакс напрямую обратился к проблематике социальной памяти, попытавшись представить институциональный срез формирования коллективных воспоминаний.

С точки зрения функционального подхода, ведущей характеристикой исследования какого-либо социального явления должно быть выявление его функции в общественной жизни. Функцией в социальном смысле Дюркгейм называет соответствие тех или иных фактов социальной жизни актуальным потребностям общества в целом или отдельной социальной группы. В рамках такого определения функция коллективного сознания, представляющего собой «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», является обеспечение социальной солидарности, являющейся, по мнению французского исследователя, основной характеристикой общественно-го устройства [1, с. 11].

Социальная солидарность представляет собой неоднородное явление в том смысле, что может функционировать, в зависимости от типа общества, в двух различных формах. В традиционном (архаическом) обществе солидарность строится на растворении единичных личностей в личности коллективной, олицетворяемой обществом, и такой тип солидарности французский ученый именуется механическим. В противоположность ему общество современного типа построено на четком распределении функций между отдельными индивидами, нуждающимися ввиду этого в постоянном коммуникативном и экономическом обмене. Таковую солидарность Дюркгейм именуется органической. Причем, как подчеркивает А. Б. Гофман, в развитых обществах коллективная личность не исчезает полностью, но становится второстепенным фактором социальной жизни, действуя лишь в условиях отдельных социальных групп [2, с. 198]. Механическая солидарность свойственна малым социальным группам, и строится она во многом на общности прошлого и воспоминаний об этом прошлом у представителей этой группы. Таким

образом, Дюркгейм, не используя сам термин «социальная память», формулирует положение, что одним из важных элементов коллективного сознания являются коллективные воспоминания о прошлом. Если коллективное сознание осуществляет интериоризацию социальных норм, обеспечивая тем самым осознание всеми членами сообщества своей принадлежности к этому сообществу, то коллективная память выступает одним из путей формирования социальной солидарности, и этот путь состоит в вычлениении воспоминаний, общих для членов данного сообщества и позволяющих им осознать свое единство в диахронической перспективе.

Э. Дюркгейм считал основным субъектом социальной памяти определенные «общности», не обозначая их институциональные рамки и обращаясь, по сути, к ритуальным аспектам их самоидентификации. «В ритуалах социальные общности прославляют символы собственной идентичности. Ритуалы, таким образом, выполняют функцию носителей социальной памяти как основополагающего условия мемориальной социализации членов общества, сохранения коллективной идентичности и поддержания существования социального организма как такового» [3, с. 153].

Термин «коллективная память», присутствующий у Дюркгейма в скрытой форме, оказался введен и был подвергнут социально-философской рефлексии в работах другого представителя Французской социологической школы М. Хальбвакса. То направление исследований, которое представлялось Дюркгейму лишь одной из сфер проявления функционального метода, стало для Хальбвакса основной сферой научных интересов, поэтому неудивительно, что вопрос о субъекте социальной памяти был им исследован более полно.

Хальбвакс логически развил предпосылки функционального анализа общественных явлений, которые были заложены в работах его учителя, и применил их по отношению к анализу коллективной памяти. Память, с его точки зрения, может быть только коллективной, точнее говоря, индивидуальные впечатления укрепляются в памяти и структурируются при помощи определенных социальных рамок. Запоминанию подвергаются лишь те факты, которые могут быть зафиксированы с помощью референциальных рамок, если же подобные рамки отсутствуют (явление не может быть подогнано под существующие рамки), то факты вытесняются из индивидуальной памяти. Французский исследователь выделяет трехступенчатую структуру фиксации опыта, состоящую из «образов воспоминания»

и позволяющую объяснить подбор фактов, подвергающихся запоминанию и передаче от одного индивида к другому, от поколения к поколению.

1. Пространственно-временная соотнесенность: воспоминания никогда не бывают абстрактными, а всегда соотносятся с конкретными пространственными и временными координатами, выбор которых может быть достаточно произволен, но их наличие является обязательным условием фиксации воспоминания: «В самом воспоминании присутствует целенаправленное структурирование времени и пространства, которое усугубляет и подчеркивает естественную тенденцию коллективной памяти избирать ограниченное количество запоминаемых мест и событий» [4, с. 121]. Пространственную соотнесенность воспоминания с конкретным географическим и историческим ландшафтом сам Хальбвакс продемонстрировал в своей работе «Легендарная топография Евангелий на Святой Земле», где он рассмотрел процесс поиска географических реалий для евангелистских известий о земной жизни Христа и показал искусственный характер найденных аналогий. Временная соотнесенность также носит весьма условный характер и может проявляться в установлении соответствия между фактами индивидуальных биографий и социально значимыми событиями.

2. Социальная отнесенность: в этом пункте Хальбвакс повторяет аргументацию Дюркгейма, утверждая, что каждая социальная группа оперирует своими критериями для определения и запоминания значимых фактов. Социальные рамки различных социальных групп, как правило, не совпадают, поэтому каждая группа формирует свой образ прошлого, призванный обеспечить четкую самоидентификацию любого индивида, принадлежащего к данному сообществу.

Коллективная память, существующая в определенной социальной группе, характеризуется двумя основными чертами: своеобразием и долговечностью. Свообразие заключается в стремлении преуменьшить внутренние различия в пользу внутреннего единства, отличающего данную группу от всех остальных. При этом своеобразие является «скользящим» фактором, суть которого заключается в том, что внутреннее единство группа приобретает лишь при соотношении с аналогичными социальными образованиями. В то же время внутри этой социальной группы единство оказывается кажущимся и каждая подгруппа выражает стремление подчеркнуть собственное своеобразие. Индивид становится носителем сразу нескольких идентичностей, актуализация одной из которых оказывается связанной с тем уровнем, на котором функци-

онируют данные социальные группы (межгосударственный, национальный, региональный и т.д.). Политическая идентичность, отчетливо проявляющая себя на межгосударственном уровне, оказывается утраченной при разрешении конфликтов, протекающих на внутрисоциальном уровне, например, при столкновении различных социальных или национальных групп. Долговечность социальной памяти проявляется в стремлении предельно отдалить исходный пункт возникновения данной социальной группы и представить ее существование как линейную, протекающую непрерывно от точки зарождения до нынешнего состояния.

3. Воссоздающий характер: специфика социальной памяти заключается в том, что она не существует в виде упорядоченного набора фактов, с заранее оговоренными сценариями интерпретации, но постоянно воссоздается в результате изменения интересов социальных групп. В процессе воспоминания единичные факты, в целях экономии мышления, сворачиваются в определенные стандартизированные мифологемы. Тем самым они теряют свою уникальность, но приобретают универсальный характер обязательных для всех членов данного сообщества предписаний, имеющих сакральную окраску. Механизм перехода индивидуального опыта в достояние коллективной памяти тесно связан с социально-биологическими циклами, важнейшим из которых является смена поколений. Знание о событиях прошлого в процессе передачи воспоминаний от поколения к поколению постепенно лишается уникальных особенностей, свойственных личным воспоминаниям очевидца этих событий, и приобретает универсальный (в смысле значимости не для конкретного индивида, а для всей социальной группы в целом) характер.

Социальные рамки памяти, существующие в настоящем, определяют тот образ прошлого, который удается удержать коллективу и индивидуальному человеку, как его представителю, в своем сознании. Смена референциальных рамок ведет за собой и изменение тех фактов, которые удерживаются в социальной памяти, но поскольку само существование подобных рамок не осознается их носителями, то и изменение содержания памяти не фиксируется в сознании представителей социальной группы. Следует сразу оговориться, что это положение Хальбвакса оказывается верным применительно к устной памяти, передающейся в процессе непосредственной коммуникации и не закрепляемой в письменных источниках. Наличие текстов, фиксирующих содержание социальной памяти, позволяет создать «точки отсчета», сравнение

которых демонстрирует не только устойчивый характер социальной памяти, но и ее постоянную изменчивость [5, с. 18].

Выбор цивилизации в качестве основного субъекта социальной памяти, выражающийся в стремлении соотнести определенный набор современных представлений о прошлом с формированием цивилизационной идентичности (совокупностью культурных и этнических маркеров), становится основанием для структурирования глобальной социальной действительности. В этом процессе можно выявить внутренние противоречия.

Первым из них является понимание того, что цивилизация в качестве субъекта процессов обращения к прошлому оказывается шире национально-государственных структур. Уже П. Нора обращал внимание, что уходит в прошлое проект «нации-памяти», когда прошлое автоматически отождествляется с прошлым определенной гражданской нации, совпадающей с совокупностью граждан одного государства. Этот проект национального строительства, берущий свое начало в постепенном кризисе колониальных систем, начинающемся в XVIII в., полностью исчерпывает себя в связи с глобализационными тенденциями. Национальное государство, обладавшее действенными практиками конструирования прошлого в условиях информационной автономности, лишается своих преимуществ в результате плюрализации социального порядка и перехода к открытой конкуренции на всех уровнях общественной организации, в том числе и на уровне различных типов социальной памяти.

Вторым фактором, негативно влияющим на возможность использования цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти, становится неразработанность самой методологии исследования, позволяющая использовать его в процессах легитимации политических притязаний. Нельзя не согласиться с В. А. Шнирельманом, что «цивилизационный подход, делающий упор на самобытности и самоценности каждой так называемой цивилизации, оказался очень удобным для пропаганды патриотических идей и выковки национального самосознания. В этом смысле этот подход снимал давний антагонизм, свойственный оппозиции “культура/цивилизация”, и делал цивилизацию воплощением особой культуры. Поэтому в условиях кризиса идентичности и роста антизападнических настроений цивилизационный подход показался отдельным авторам учебников удачным способом преодоления европоцентризма» [6, с. 137].

Преимущества цивилизационного подхода оказались тесно связаны с его недостатками,

поскольку абсолютизация уникальности одной цивилизации подразумевает настороженное отношение к другим цивилизациям, что делает цивилизационный подход, как это продемонстрировал С. Хантингтон в своей концепции «столкновения цивилизаций», основанием для выстраивания конкурирующих систем в условиях уже глобального социума.

Таким образом, применение цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти симптоматично, поскольку является методологическим ответом на необходимость переосмысления практик обращения к прошлому в условиях усложняющейся и динамично изменяющейся социальной действительности. Применение данного подхода должно сопровождаться разработкой методологических критериев определения цивилизаций в условиях современного глобального социума.

Работа выполнена в рамках проекта «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния» гранта Президента РФ (МК-6968.2015.6).

Список литературы

1. Durkheim E. The elementary forms of the religious life. L., 1976. 356 p.
2. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2001. 202 с.
3. Васильев А. Г. Воплощенная память : коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 148–162.
4. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.
5. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 402 с.
6. Шнирельман В. А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002. С. 131–145.

Civilization Conflicts and Transformation of Subjects of Social Memory

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: dandee@list.ru

In article the question of change of subjects of social memory in the conditions of crisis of the national type of memory and activation of processes of globalization is raised. The scientific retrospective of a formulation of the question about the subject of social memory is considered, the existing points of view and the used arguments are

analyzed. In the conditions of globalization of the state cease to possess monopoly for expression of ideas of the past therefore there is a need for search of new subjects. The author analyzes possibility of civilizations to act as subjects of social memory and points to risks of use of collective ideas of the past as justification of the modern civilization conflicts. Special value accepts this question in the conditions of the Russian society where civilization approach gained distribution as an alternative to vulgar Marxism, but gained the ethnic focused lines.

Key words: civilization, social memory, social space, conflicts.

References

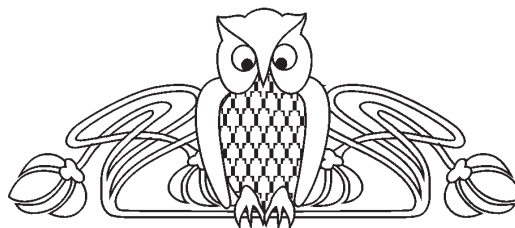
1. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. London, 1976. 356 p.
2. Gofman A. B. *Sem leksiy po istorii sotsiologii* (Seven lectures on sociology history). Moscow, 2001. 202 p.
3. Vasilyev A. G. Voploschennaya pamyat: kommemorativnyy ritual v sotsiologii E. Dyurkgeyma (Incarnate memory: commemorations ritual in E. Durkheim's sociology). *Sotsiologicheskoe obozrenie* (Russian Sociological Review), 2014, vol. 13, no. 2, pp. 148–162.
4. Hutton P. *History as an art of memory*. Hanover; London, 1993. 231 p. (Russ. ed.: Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St.-Petersburg, 2004. 424 p.).
5. Assman J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992. 444 s. (Russ. ed.: Assman J. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti*. Moscow, 2004. 402 p.)
6. Shnirelman V. A. Tsivilizatsionnyy podhod, uchebniki istorii i «novyy rasizm» (Civilization approach, textbooks of history and «new racism»). *Rasizm v yazyike sotsialnykh nauk* (Racism in language of social sciences). Ed. by V. Voronkov, O. Karpenko, A. Osipov. St.-Petersburg, 2002, pp. 131–145.

УДК 101

РОЛЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАЗВИТИИ

Борщов Александр Сергеевич –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: borshov@sstu.ru

В статье раскрыты место и роль неопределенности в развитии в качестве фундаментальной характеристики бытия, в том числе бытия человека, связь с категориями случайности, хаоса. С позиций обобщенной концепции детерминизма подчеркивается объективный характер неопределенности, связанной с неустойчивостью динамических систем. Показываются роль неопределенности на различных структурных уровнях действительности и на разных этапах развития, ее фундаментальный характер. В качестве методологических оснований неопределенности полагаются противоречивость движения, единство изменчивости и устойчивости объектов, континуум материального и идеального, связи и обособленности. Выделенные сущностные характеристики бытия, в свою очередь, предстают в качестве различных проекций первоосновы, единого.

Ключевые слова: неопределенность, определенность, случайность, изменения, отношения, объективность, детерминация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-9-13

Категория неопределенности тесно связана с другими, среди них, например, категории риска, нечеткости и др., одной из таких является категория случайности. Часто события с неопределенным исходом считаются случайными. Однако если случайность есть неопределенность, то неопределенность не обязательно является случайностью. Она представляет собой форму неопределенности, характеризующей массовые события. Другая особенность случайности со-

стоит в том, что это – фундаментальная объективная характеристика природных процессов и должна допускать измерение, а в случае неопределенности такая мера отсутствует. Доминирующей является точка зрения, согласно которой неопределенность является следствием неосведомленности, недостатка знаний. Вопрос в том, означает ли эта ситуация отсутствие детерминированности? Отсюда следует необходимость исследований данного феномена с позиций принципа детерминизма, через призму которого в основном изучался феномен случайности. Учитывая связь и пересечение вышеназванных категорий, представляется продуктивным использование детерминистских подходов и выводов в отношении случайности и по отношению к неопределенности.

Следует иметь в виду многозначность и историчность термина «детерминизм». Он часто употребляется для обозначения лапласовского детерминизма, исходящего из представлений о Вселенной как гигантской машине, функционирующей по законам механики. Поведение этой «машины» считалось однозначным и предсказуемым. Всякая случайность, а соответственно, и неопределенность принципиально отрицались: «Мы должны рассматривать настоящее состо-